

КОНФЛИКТ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ В «ОКАЯННЫХ ДНЯХ» И. А. БУНИНА

Токарев Г. В. (Тула, Россия)

Аннотация: В статье рассмотрены лексические особенности «Окаянных дней» И. А. Бунина в лингвокультурологическом аспекте. Для лексического строя дневника И. А. Бунина характерны оценочность, эмотивность, экспрессивность. Прагматическое наполнение семем отражает архетипическую оппозицию «свой vs чужой». Данный архетип выступает в роли принципа формирования концептуального пространства анализируемого текста. Всё, что связано с революционными преобразованиями, Бунин относит к чужому хронотопу, которому даёт отрицательную оценку. Свой мир изображается в дневнике Бунина как духовный, светлый, спокойный и упорядоченный. Чужое пространство формируется из следующих тематических плоскостей: революционные личности, устройство новой жизни, реакция культуры на происходящее. Дневниковые записи отражают способы самоидентификации, самопонимания личности. Бунин рассматривает себя в кругу писателей предшествующей поры. Автор дневника позиционирует себя как человек, чуждый революционным преобразованиям, интеллигент, приверженец традиции, старой России, ценитель красоты и защитник культуры. Лексика «Окаянных дней» И. А. Бунина отражает следующие семантические доминанты: распад, разложение, уничтожение, темнота, смерть, бесчеловечность, ложь, шутовство, глупость. **Ключевые слова:** дневник, культурная парадигма, самоидентификация, семантика, оценка.

CONFLICT OF CULTURAL PARADIGMS IN THE DAY OF THE «OKAYANNIE DNI» BY I. A. BUNIN

Tokarev G. V. (Tula, Russia)

Abstract: The article considers the lexical features of I. A. Bunin's «Okayannie dni» in the linguoculturological aspect. For the lexical structure of I. A. Bunin's diary of character, evaluation, emotion, expressiveness. The pragmatic filling with seed reflects the archetypal opposition «its own vs stranger». This archetype acts as the principle of forming the conceptual space of the analyzed text. Everything related to revolutionary transformations, Bunin refers to someone else's chronotope, which gives a negative assessment. His world is depicted in Bunin's diary as spiritual, bright, calm and orderly. Alien space is formed from the following thematic planes: revolutionary personalities, the structure of a new life, the reaction

of culture to what is happening. Diary entries reflect ways of self-identification, self-understanding of personality. Bunin considers himself in the circle of writers of the previous era. The author of the diary positions himself as a person alien to revolutionary transformations, an intellectual, an adherent of tradition, old Russia, a connoisseur of beauty and a defender of culture. The vocabulary of the «Okayannie dni» by I. A. Bunin reflects the following semantic dominants: decay, decomposition, destruction, darkness, death, inhumanity, lies, jokes, stupidity.

Keywords: *diary, cultural paradigm, self-identification, semantics, evaluation.*

Личностные жанры, среди которых центральное место занимает дневник, позволяют реконструировать посредством анализа лексики особенности миропонимания говорящего субъекта, а также его самоидентификации. Прагматические интенции дневника Ю. М. Лотман характеризует следующим образом: «Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определённых сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение которого без записи не происходит» [1, с. 164]. В этом аспекте особый интерес представляет изучение лексико-семантических особенностей «Окаянных дней» И. А. Бунина. Как известно, данный текст отражает восприятие писателем первых лет русской революции 1917-го года. Настоящее и будущее осмысляются негативно, неопределённо, безнадёжно, что выражается употреблением неопределённых местоимений: «*Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное*» (1 января 1918).

Для лексического строя дневника И. А. Бунина характера яркая оценочность, эмотивность, экспрессивность. Среди оценочных слов преобладают пейоративные. «*Кончился этот проклятый год*» (1 января 1918). Прагматическое наполнение семем отражает архетипическую оппозицию «свой vs чужой», столь важную для русского мировоззрения. Данный архетип выступает в роли принципа формирования концептуального пространства анализируемого текста. Всё, что связано с революционными преобразованиями, Бунин относит к чужому хронотопу, которому даёт отрицательную оценку. Новое летоисчисление, переход на другую систему написания Бунин воспринимает как чужое. В этом плане характерно употребление разговорной формы местоимения их: ихний (запись от 5 февраля 1918

года), подчёркивающего презрительное отношение к новой власти, её чуждость лирическому герою.

Чужому пространству противопоставлено своё. Свой мир изображается в дневнике Бунина как духовный, светлый, спокойный и упорядоченный, предстающий как видение в сумасшествии реальной жизни: *«В доме напротив нас молебствие, принесли икону «Нечаянной Радости», поют священники»* (24 февраля 1918).

Картины своего пространства и времени даются по принципу контраста с чужим: *«Вон из Москвы!» А жалко. Днем она теперь удивительно мерзка. Погода мокрая, все мокро, грязно, на тротуарах и на мостовой ямы, ухабистый лед, про толпу же и говорить нечего. А вечером, ночью пусто, небо от редких фонарей чернеет тускло, угрюмо. Но вот тихий переулочек, совсем темный, идешь – и вдруг видишь открытые ворота, за ними, в глубине двора, прекрасный силуэт старинного двора, мягко темнеющий на ночном небе, которое тут совсем другое, чем над улицей, а перед домом столетнее дерево, черный узор его громадного раскидистого шатра...»* (28 февраля 1918). *«Уже почти три недели со дня нашей гибели. Мертвый, пустой порт, мертвый, загаженный город... Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»* (12 апреля 1919).

Рисуя картины чужого, революционного пространства, внимание Бунина сосредотачивается на нескольких аспектах. Первый из них – новые, революционные личности. Писатель даёт несдержанную отрицательную оценку вождю революции – В.И. Ленину, отождествляя его с животным: *«О, какое это животное!»* (28 февраля 1918), *«служителей новой власти Бунин называет обезьянами: «Все комнаты всего города измеряют, проклятые обезьяны, остервенело катающие чурбан!»* (25 апреля 1918). Уничижению подвергаются рядовые большевики. Бунин желает подчеркнуть в них неинтеллигентность, необразованность, грубость. *«В Севастополе «атаман» матросов – некто Ривкин, аршин ростом, клоками борода; участвовал во многих ограблениях и убийствах; «нежнейшей души человек»»* (24 февраля 1918). Использование выражения «нежнейшей души человек» в противоположном значении отражает иронию автора, а также нежелание ставить себя в один ряд с большевиками.

Важным для писателя оказывается выражение лица «чужого человека»: повторяющейся семей в характеризующих этот аспект значениях является «преступность»: *«Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:*

– Вставай, подымайся, рабочий народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem». На эти лица ничего не надо ставить, – и без всякого клейма все видно» (25 февраля 1918). «Страшная галерея каторжников!» (10 марта 1918). Из сказанного следует, что восприятие революционной действительности автором дневника подчинено принципам эстетизма.

Второй аспект рефлексии – устройство новой жизни. Семантическими доминантами здесь являются уничтожение, растление, хаос, бедность, убогость. Для выражения данных смыслов Бунин использует слова: растление, унижение, шабаш, балаган, издевательство: *«Миллионы русских людей прошли через это растление, унижение за эти годы» (15 мая 1918). Отражение в воде символов революции – красных флагов – ассоциируется у писателя с реками крови. «...в мокром асфальте жидкой кровью текут отражения от красных флагов, обвисших от дождя и особенно паскудных» (17 апреля 1918).*

Реалии жизни революционного времени – экономия света – воспринимается лирическим героем как погружение в безнравственную тьму: *«Сейчас все дома темны, в темноте весь город...» (19 апреля 1918).*

В новой жизни, по Бунину, нет настоящего, всё, что происходит, имитация: *«имитация какого-то будто бы нового строя, нового чина и даже парада жизни» (24 апреля 1918).*

Идейную атмосферу времени передают контекстуальные синонимы: бред, ложь, самоодурманивание: *«Человек бредит, как горячий, и, слушая этот бред, весь день все-таки жадно веришь ему и заражаешься им. Иначе, кажется, не выжил бы и недели. И каждый день это самоодурманивание достигает особой силы к вечеру...» (20 апреля 1918).*

Третий аспект – реакция культуры на происходящее. Бунина волнует судьба русской литературы. Он с презрением характеризует

поэтов и писателей, поддержавших революцию: Блока, Брюсова, Горького, Маяковского, считая их либо бездарными, либо предателями. Литераторам, поддерживающим революцию, Бунин даёт нравственную оценку с опорой на слово низость: «Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда...» (2 марта 1918) Оценка литературы в тексте дневника репрезентирована словами: лживо, отвратительно, словоблуды. Революционная литература характеризуется как заборная (запись от 9 мая 1918)

Дневниковые записи отражают способы самоидентификации, самопонимания личности. Бунин рассматривает себя в кругу писателей предшествующей поры, цитирует Толстого, пытается взглянуть на происходящее глазами Пушкина: «*Шли ночью по Тверскому бульвару: горестно и низко клонит голову Пушкин под облачным с просветами небом, точно опять говорит: "Боже, как грустна моя Россия!"*» (7 марта 1918). Автор дневника позиционирует себя как человека, чуждого революционным преобразованиям, интеллигента, приверженца традиции, старой России, ценителя красоты и защитника культуры.

Таким образом, лексика «Окаянных дней» И.А. Бунина отражает следующие семантические доминанты: распад, разложение, уничтожение, темнота, смерть, бесчеловечность, ложь, шутовство, глупость.

Литература

1. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: «Искусство СПб», 2000. 704 с.